

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ КРАЙОНОВ

Том V

АРОН
РОДОВИЧ

Имперский детектив Крайонов

Арон Родович

**Имперский детектив
КРАЙОНОВ. ТОМ V**

«Автор»

2026

Родович А.

Имперский детектив КРАЙОНОВ. ТОМ V / А. Родович —
«Автор», 2026 — (Имперский детектив Крайонов)

Чертов четверг когда-нибудь уже закончится? Это мы узнаем в этом томе.

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Арон Родович

Имперский детектив КРАЙОНОВ. ТОМ V

Глава 1

Звонок

Экран светился в полумраке столовой. Имя на экране: «Драгомиров М.»

Я посмотрел на Катю. Она смотрела на телефон, потом на меня, и по тому, как сжались её губы, я понял, она тоже прочитала имя.

— Извини. — Я взял трубку.

Голос в трубке был женским. Тонкий, с тем дрожанием, которое выдаёт человека, державшегося из последних сил и уже теряющего хватку.

— Господин Роман?

Я узнал голос. Элизабет Белозерская — звонила с телефона Максима.

— Элизабет, — удивился я. — Что случилось?

— У меня ситуация, — она вдохнула, коротко, рвано. — Он пропал.

— Кто пропал?

— Максим.

Пауза. Свечи на столе качнулись от моего дыхания, и тишина поместья за окнами была такой, что я слышал, как Катя поставила стакан на стол — мягко, аккуратно, чтобы не мешать.

— В смысле пропал? — спросил я. — Ты звонишь с его телефона. Вышел из квартиры и потерялся или не вернулся?

— Да, — её голос сорвался на полтона выше. — Он вышел из квартиры и не вернулся. Телефон оставил здесь. Три часа назад. Три часа, Роман. Я не знаю, что делать. Я думала позвонить его отцу, но... Виктор Михайлович в принципе наши отношения принял, но я не думаю, что он хотел бы услышать такие новости от меня. Тем более по телефону. Тем более ночью.

Три часа. Человек вышел из квартиры без телефона и пропал на три часа. В одиннадцатом часу вечера. Максим Драгомиров — наследник графского рода, человек, у которого охрана, деньги, связи и минимум три причины никуда не ходить пешком ночью.

— Элизабет. — Голос держался сам, без усилия. — Ты сейчас где?

— В нашей квартире.

— Хорошо. Скинь мне адрес, я приеду.

— Спасибо, — выдохнула она, и в этом «спасибо» было столько облегчения, что мне стало не по себе. Человек, которого она любит, пропал, и единственное, за что она цепляется — детектив, которого она видела дважды в жизни.

Я положил трубку. Посмотрел на экран: 23:14. Посмотрел на Катю.

Катя сидела в кресле, поджав ноги, обхватив колени руками через халат. Губы чуть надуты. Зелёные глаза смотрели на меня, и в них читался вопрос, которого она пока не задала.

— Катя, — начал я. — Мне нужно уехать.

— Сейчас? — брови сошлись к переносице. — Ром, полночь.

— Я знаю.

— Кто звонил?

— Элизабет Белозерская. Девушка Максима Драгомирова. Звонила с его телефона.

Катя молчала. Ждала продолжения. Я ценил это — умение ждать факты, прежде чем лезть с выводами.

— Максим ушёл из квартиры три часа назад и не вернулся, — сказал я. — Без телефона. Кто-то позвонил ему, он вышел, сказал «десять минут» — и пропал. Элизабет в панике.

— Драгомиров, — повторила Катя, и я увидел, как её лицо изменилось. Надутые губы разжались, глаза стали серьезнее. Она знала, кто такие Драгомировы. Дочь Иосифа Каца не могла не знать. — Это графский род.

— Мой первый серьёзный клиент. Первое дело, с которого я начал. Если с ним что-то случилось, и я мог помочь, но не поехал...

— Я поняла, — она кивнула. — Поеду с тобой.

— Нет.

— Ром...

— Катя, — я сел на край стула рядом с ней. — Послушай. Я не знаю, что там произошло. Может, он загулял с тем, кто ему позвонил, может — что-то серьёзное. Мне нужно приехать, осмотреться, поговорить с Элизабет. Тащить тебя среди ночи к чужим людям, которые в панике и туда, где пропал человек и непростой человек — не лучшая идея. Неизвестно, что может случиться с девушкой или их квартирой, если это входит в план злоумышленников. Там не безопасно.

— Я не чужая там, — парировала она. — Я дочь барона Каца. Драгомировы знают мою семью.

— Именно поэтому не нужно. Если это дело, а оно уже пахнет делом, мне нужно работать, и чем меньше посторонних людей окажут я на месте пропажи, тем лучше. Элизабет сейчас на нервах. Увидит тебя, начнет нервничать сильнее, сбиваться. К тому же ты можешь нечаянно смазать улики, потрогать стакан, передвинуть стул. Все это важно и сейчас, пока это только произошло, мне нужно поехать туда одному, осмотреться и опросить Элизабет.

Пауза. Сжатые губы, наклон головы — она обдумывала, и я видел это по ритму дыхания.

— И потом, — добавил я, — у меня есть для тебя занятие получше. Ты ведь хотела посмотреть дом?

Она посмотрела на меня, и я видел, как работает её голова: взвешивает, считает, принимает решение. Катя Кац, дочь бизнесмена, привыкшая к тому, что решения принимаются быстро, а эмоции — отдельно.

— Ладно, — сказала она. — Останусь. Но ты мне всё расскажешь. Всё, до последней детали. Когда вернёшься.

— Когда вернусь.

— Тогда я пока осмотрю дом? Попрошу твоего Якова показать, что тут к чему. Видишь — у тебя всё никак времени нет мне экскурсию устроить.

— Осматривай. — Яков, скорее всего, ещё не спит. — Я думаю, он не уснет, пока не уснем мы.

— Он вообще спит?

— У меня есть основания сомневаться.

Она усмехнулась — коротко, одним уголком рта — и я подумал: привыкну к этой усмешке.

— Мне где ложиться? — спросила она. — В гостевой или у тебя?

— У меня, — сказал я, и слово вышло легко, как будто я говорил его всю жизнь.

— Ром, — она встала, подошла, положила мне ладонь на щеку. Тёплую, мягкую, пахнущую мылом. — Ты точно вернёшься?

— Точно. Элизабет живёт в Серпухове. Час туда, час обратно по ночным дорогам, час на месте. К трем, примерно, буду дома.

— К трем, — повторила она, и в голосе было предупреждение. Тихое, ласковое предупреждение, от которого мне стало ясно: если я не вернусь к этому времени, будут последствия. Мягкие, рыжие, зеленоглазые последствия, от которых не спрячешься.

Она поцеловала меня. Коротко, в уголок губ, и её дыхание было тёплым, и на секунду мне захотелось плюнуть на всё — на Драгомирова, на Элизабет, на ночной Серпухов — и остаться в этом кресле, в этом халате, в этом поместье, с этой женщиной.

Но я не мог так поступить.

— Езжай, рыцарь, — сказала Катя. — Спасай графа и успокаивай его невесту.

Она отступила, запахнула халат — мой халат с закатанными рукавами, и села обратно в кресло, подобрав ноги. Свечи горели, и в их свете она выглядела так, будто была частью этого дома — частью каменных стен, дубовых балок, тяжёлых штор. Как будто дом ждал её так же, как ждал меня.

Я поднялся на второй этаж. Спальня. Нашёл джинсы, футболку, оделся, одновременно подумал о том, что нужно будет перевести сюда вещи, особенно одежду, как вовремя Женья купил вместительную машину.

Телефон вибрировал снова. Сообщение от Элизабет: адрес. Пентхаус в жилом комплексе «Парус», верхний этаж. Серпухов, улица Ворошилова.

Я набрал Женю. Один гудок. Два. На третьем — щелчок.

— Ром, — голос Жени был бодрым, с фоновым шорохом ткани. Ещё не ложился. — Чего?

— Ты далеко уехал?

— Ну... — пауза. — Нет. Мы тут с Олей...

— Ты ещё не лёг?

— Нет, мы тут как раз... — он запнулся. — Тестируем машину.

— Надеюсь, сзади чисто?

— Очень смешно, — сказал Женья. Голос стал суше. — Всё чисто, всё аккуратно. Ты же знаешь, как я люблю свои машины. Что случилось?

— По дороге расскажу. Мне нужно, чтобы ты за мной заехал. Я в поместье.

— Сейчас? — Женья помолчал. — Ром, полночь почти.

— Драгомиров пропал. Максим. Ушёл из квартиры три часа назад без телефона и не вернулся. Элизабет звонила с его номера.

Тишина в трубке. Короткая, тяжёлая, и я слышал, как Женья выдохнул — резко, через нос, тем звуком, каким он реагировал на плохие новости: не паника, не нервы, а короткий сброс воздуха, как будто тело готовится к бегу.

— Двадцать минут. Отправлю Олю на такси. А то я знаю тебя, нас там будут убивать, травить и усыплять. Скоро приеду. Жди.

— Жду.

Я спустился вниз. Яков стоял в холле — разумеется, стоял — с моей курткой в руках.

— Роман Аристархович, — сказал он. — Я слышал, что вы собираетесь уехать. Ваша куртка. Ключи от ворот — на крючке у входа. Я запру за вами и буду ждать.

— Яков, — сказал я. — Катя остаётся. Покажи ей дом, если попросит. И... присмотри за ней.

— Разумеется.

— И за котом.

— Чешир спит в кухне, — Яков склонил голову. — На полотенце, которое я положил у батареи. Он съел паштет, который я сегодня купил специально для него, и три куска мяса из моей порции ужина. Полагаю, он доволен. Хорошая животинка.

Я усмехнулся. Чешир нашёл Якова, и Яков нашёл Чешира. Два существа, работающих по одному принципу: обеспечить комфорт и получить паштет. Идеальный союз.

Входная дверь. Крыльцо. Ночной воздух ударил по лицу — холодный, с запахом мокрой земли и хвои, и после тепла дома тело слегка вздрогнуло. Гравий подъездной дорожки хрустел под подошвами, и в темноте сада горели два фонаря — садовые, жёлтые, слабые.

Из темноты сада донёсся шорох — тяжёлый, с пыхтением, с тем характерным звуком, когда что-то массивное продирается через кусты. Я остановился.

Тимошка стоял у дорожки, метрах в пяти, и смотрел на меня из-за куста. Чёрная туша в темноте, маленькие глаза поблёскивали в свете фонаря. Кабан был похож на валун с пятачком, и от его присутствия ночная дорожка к воротам приобретала определённый колорит.

— Тимошка?

Кабан хрюкнул. Глухо, коротко, с такой интонацией, будто говорил: «Уезжаешь? Ладно. Мне-то что.» Повернулся и ушёл в кусты, покачивая задом, и треск веток затих через несколько секунд.

Проводил. По-своему. Я открыл ворота, вышел за периметр. Улица была пустой, тёмной, с одним фонарём на углу. Я стоял и ждал.

Фары появились через четырнадцать минут. Мазда — та Мазда, которую Женя забрал три часа назад и которая теперь была его новой любовью, подъехала мягко, беззвучно, с той плавностью, которой у его старой Лады с механикой быть не могло. Женя за рулём, окно опущено, лицо серьёзное.

— Садись. Рассказывай.

Я сел. Захлопнул дверь. Мазда тронулась, и Женя вёл аккуратно, уверенно, и я заметил, что левая нога у него стоит на подставке, а правая работает плавно, без рывков.

— Уже привык? — спросил я.

— К автомату привыкаешь за пять минут, — сказал Женя. — К механике после автомата — никогда. Рассказывай.

Я рассказал. Коротко: звонок Элизабет, Максим ушёл три часа назад, без телефона, без охраны. Кто-то позвонил, разговор был коротким, Максим сказал «десять минут» и не вернулся.

Женя слушал молча, и пальцы на руле чуть побелели — единственный признак.

— А его охрана? — спросил он.

— Отпускают на ночь. Живёт этажом ниже.

— Охрану отпускают на ночь, — повторил Женя, и в его голосе было столько профессионального презрения, что мне захотелось с ним согласиться. — Графский наследник. Без охраны. Ночью. В Серпухове. Ром, у моих родителей охрана работает в три смены. Круглосуточно. И мы — князья. Драгомиров — хоть и граф, но с деньгами, с врагами, с делами, и он отпускает людей на ночь?

— Он считает себя в безопасности. Квартира в «Парусе», пентхаус, верхний этаж. Один вход, камеры в подъезде. Кто к нему полезет?

Хотя враги точно могли бы быть, и я даже знал потенциальных.

После всего, что было. После Авдосьи, после схемы с фальшивым диагнозом. У Драгомировых хватало врагов, и далеко не все были нейтрализованы так удобно, как хотелось бы. Авдосья сидела в родовом поместье и тратила украденные деньги. А ещё были те, о ком мы ничего не знали.

Три часа. Человек вышел по звонку и пропал. Без телефона — значит, либо забыл, либо оставил сознательно. Забыл — возможно, если спешил. Оставил — хуже, потому что это означает: он знал, что уходит ненадолго, или знал, что телефон ему не понадобится. Или — третий вариант, самый неприятный — тот, кто звонил, попросил прийти без телефона.

Я прокручивал варианты, и ни один мне не нравился. Профайлерская привычка: выстроить худший сценарий, средний и лучший, а потом работать со средним, держа худший на периферии. Лучший: Максим поссорился с кем-то, ушёл остывать, сидит в баре. Средний: его вызвал кто-то из деловых контактов, встреча затянулась, телефон он просто забыл. Худший...

Худший я формулировать не стал. Пока не стал.

Серпухов ночью был пустым и тихим. Фонари горели через один — жёлтые, натриевые, с тем болезненным оранжевым оттенком, от которого лица прохожих кажутся нездоровыми. Впрочем, прохожих не было. Витрины магазинов отражали наши фары, и город выглядел так, будто его выключили — нажали кнопку, и всё замерло. Только светофоры моргали жёлтым на пустых перекрёстках, и от этого мигания казалось, что город подмигивает: «Знаю кое-что, но не скажу.»

Женя вёл по навигатору, и мультимедийка рисовала маршрут синей линией на чёрном экране, и голос навигатора — женский, бесцветный — монотонно указывал повороты. Мазда шла мягко, тихо, и в салоне пахло новой обивкой и Жениным одеколоном — что-то цитрусовое, лёгкое.

— Женёк, — сказал я.

— М?

— Ты побрился.

— Ну и что?

— Побрился, надушился и поехал «тестировать машину». Ночью.

Женя покосился на меня. В свете приборной панели его скулы чуть порозовели.

— Ром...

— Я ничего не говорю. Я просто констатирую.

— Оля попросила покататься. Ей машина нравится. Ей... вообще нравится, когда я за рулём.

— Женя, — сказал я. — Мне не нужны подробности. Мне нужно, чтобы ты знал: я рад. Серьёзно.

Он замолчал. Пальцы на руле расслабились, и по тому, как он чуть выпрямился в кресле, я понял: ему было важно это услышать. Женя Решетников, княжеский сын, у которого девушка-простолюдинка, которую родители не одобряют, и лучший друг, чьё мнение для него весит больше, чем он сам готов признать.

— Она хорошая, — сказал Женя, глядя на дорогу. — Правда хорошая. Ты увидишь.

— Увижу, когда покажешь.

— Скоро.

Четверг. Бесконечный четверг.

Навигатор показал поворот. Женя свернул, и впереди открылся «Парус» — жилой комплекс из трёх башен, каждая этажей по двадцать пять, стекло и бетон, с подсветкой на верхних этажах. В одной из башен горело окно на последнем этаже — яркое, единственное на фасаде. Пентхаус.

Женя припарковался у входа — аккуратно, впритык к бордюру, с тем педантизмом, который он проявлял ко всему, что касалось машин. Заглушил двигатель, и тишина навалилась.

— Я вас скоро действительно познакомлю, если ты не против.

Женя смотрел на руль, и в свете приборной панели его лицо было напряжённым, и я понимал: для него это было важно. Познакомить друга с девушкой — шаг, означающий, что дело серьёзное.

— Завтра, — сказал я. — Если этот четверг когда-нибудь закончится и наступит пятница.

— Наступит, — сказал Женя и открыл дверь.

Мы вышли. Ночной воздух, холодный, с запахом бетона и мокрого асфальта. Подъезд «Паруса» — стекло, хром, электронный замок. Я набрал номер квартиры на домофоне.

— Кто? — голос Элизабет из динамика, хриплый, с тем надрывом, от которого понимаешь: человек плакал.

— Роман, — сказал я. — И Евгений, моя правая рука. Мы внизу.

Замок щёлкнул. Лифт. Двадцать пятый этаж. Кабина — зеркальные стены, мягкий свет, и в отражении я увидел себя: джинсы, куртка, мятая футболка, синяки под глазами. Рядом —

Женя, в той же куртке, что была на нём при покупке Мазды, и с тем выражением лица, которое он надевал, когда ситуация требовала собранности.

Двери лифта открылись на площадку с одной дверью. Пентхаус — весь этаж. Дверь была приоткрыта, и из щели падала полоска света.

Глава 2

Элизабет открыла, едва я коснулся створки. Она выглядела так, как я ожидал и одновременно хуже: глаза красные, припухшие, волосы — тёмные, длинные — собраны кое-как, пряди выбились и прилипли к мокрым щекам. Домашняя одежда — футболка Максима, судя по размеру, и спортивные штаны. Босая. Руки чуть дрожали — мелко, часто, и она держала их перед собой, переплетя пальцы, как будто не знала, куда деть.

Это была другая Элизабет. Та, которую я видел в первом деле — в бутике, в платье, с причёской, с осанкой девушки, знающей свою цену — осталась где-то далеко. Передо мной стояла испуганная женщина в чужой футболке, и у неё пропал мужчина.

— Заходите. — Она отступила.

Пентхаус. Я был здесь мысленно, по описаниям, но видеть вживую — другое. Открытое пространство: гостиная, переходящая в кухню, панорамные окна от пола до потолка, и за ними — ночной Серпухов, россыпь огней, тёмные пятна парков, красные точки антенн на горизонте. Потолки высокие, метра четыре, освещение — скрытые светильники по периметру, тёплый свет. Мебель: дизайнерская, но обжитая, с тем налётом быта, который появляется, когда в квартире живут двое — плед на диване, кружка на журнальном столике, книга корешком вверх. Техника дорогая: огромный экран на стене, акустика по углам, и всё это сделано со вкусом, с тем чувством меры, которое стоит дороже самих вещей.

У кухонного острова на барном стуле сидела девушка. При нашем появлении встала — плавно, одним движением, от которого качнулись каштановые волосы до плеч. Лет двадцать, может чуть больше. Симпатичная — из тех, кто это знает, но держит при себе. Карие глаза, внимательные, с тем лёгким прищуром, который бывает у людей, привыкших оценивать обстановку раньше, чем в неё входить. Лёгкий макияж, аккуратные брови, тонкая цепочка на шее, уходящая за вырез свитера. Джинсы в обтяжку, кроссовки, свитер — но всё сидело так, будто она одевалась перед зеркалом. Спина прямая, плечи расправлены — спорт или танцы, и то и другое одинаково вероятно.

Держалась спокойнее Элизабет, и это бросалось в глаза — две девушки в одной квартире, одна вся дрожит, вторая сидит прямо и ждёт.

— Света, — сказала она, протянув руку. Рукопожатие было коротким и уверенным. — Подруга Элизабет. Она позвонила мне в девять с чем-то, я была в кафе через два квартала, после тренировки. Дошла пешком минут за пятнадцать.

— Роман Крайонов, — я пожал ей руку. — Это Женя Решетников, мой напарник.

Женя кивнул — сдержанно, по-деловому, и я заметил, что он уже осматривает квартиру глазами, как обычно делают люди в новых местах.

Элизабет стояла у окна, обхватив себя руками, и по напряжению в плечах я видел, она серьёзно переживает.

— Расскажи мне всё, — сказал я, подходя к ней. — С самого начала. Когда вы вернулись домой?

— После обеда, — Элизабет повернулась от окна. Глаза мокрые, нос покраснел, голос дрожал, но она держалась. — Максим работал из дома. Созвоны, документы. Я готовила ужин. Мы сели есть около семи. Он был в хорошем настроении, шутил, рассказывал про какую-то встречу с партнёрами отца.

— Что за встреча?

— Что-то связанное с поставками. Максим сказал, что Виктор Михайлович хочет расширить складскую сеть в Подмоскovie. Новые контракты. Он был доволен, говорил, что отец наконец-то доверяет ему серьёзные переговоры.

— Контракты с кем?

— Не знаю. Максим не вдавался в детали. Он вообще старается не грузить меня бизнесом. Говорит, что дом — это дом, а работа — работа.

Чистое разделение. Драгомировская школа: женщина — отдельно, дела — отдельно. Максим копировал отца, осознанно или нет.

— Хорошо. — Вы поужинали. Что потом?

— Потом я убрала со стола. Максим сел на диван, включил что-то на экране. Какой-то матч, кажется. Я мыла посуду, и он крикнул мне что-то смешное, я не помню что, что-то про команду, которая проигрывает. Всё было... обычно. Нормально. Как каждый вечер.

Голос у неё сорвался на последнем слове. «Как каждый вечер» — и именно от этого «каждого» было больше всего, потому что обычный вечер сломался в одну секунду, по одному звонку.

— А потом телефон, — продолжила она. — Его телефон зазвонил. Он посмотрел на экран, нахмурился чуть-чуть, я заметила, потому что стояла у раковины и видела его профиль. Ответил. Разговор был коротким. Я не слышала, что ему говорили, но слышала его ответы.

— Какие?

Элизабет прикрыла глаза. Я видел, как она собирает разговор по кусочкам, монтирует из обрывков памяти.

— «Да.» Потом: «Когда?» Потом: «Хорошо. Десять минут.» Всё. Три фразы. И повесил трубку.

Три фразы. «Да» — подтверждение, что он тот, кого ищут, или согласие на предложение. «Когда?» — уточнение времени или места. «Хорошо. Десять минут» — принятие условий и обозначение срока. Разговор, в котором он получил информацию, задал один уточняющий вопрос и согласился. Торга и колебаний — ноль. Уточнений «кто вы» или «откуда номер» — тоже. Значит, знал, кто звонит. Или знал тему разговора, и ему было достаточно.

— Во сколько это было?

— Около восьми. Может, чуть позже. Я не смотрела на часы.

— С какого номера?

— Номер не сохранился. Он... — Элизабет посмотрела на телефон Максима, лежавший на журнальном столике. — Я проверила после. В списке вызовов — неизвестный номер. Входящий, длительность — минута двенадцать секунд.

Минута двенадцать. Короткий разговор. Достаточно, чтобы получить информацию или инструкцию, недостаточно для спора. И три фразы Максима укладываются в минуту с запасом — значит, говорил в основном тот, кто звонил.

— Что он сказал после звонка?

— Что ему нужно выйти. Буквально. «Мне нужно выйти, десять минут, я вернусь.» Ничего больше. Я спросила: «Куда?» Он ответил: «Вниз. Быстро.»

— «Вниз», — повторил я. — Он сказал «вниз»? Конкретно это слово?

— Да. «Вниз. Быстро.»

«Вниз» — значит, он думал, что встреча будет у подъезда. Или на нижних этажах. Или во дворе. Он не планировал идти далеко. Десять минут — спуститься, поговорить, подняться.

— Как он выглядел? Нервничал? Торопился?

Элизабет задумалась. Закусила губу — привычка, которую я помнил по первому делу.

— Нет, — сказала она. — В том-то и дело. Он был спокоен. Как обычно. Как будто ему позвонил сосед и попросил соль. Ничего особенного — надел кроссовки, серые, те, что стояли у двери, взял куртку, тёмно-синюю, лёгкую. И вышел. Телефон оставил на столе. Я даже не заметила, что он без телефона, пока не прошёл час.

— Что ещё он обычно берёт с собой?

— Кошелёк. Ключи. Телефон.

— Проверь: кошелёк и ключи на месте?

Элизабет встала, подошла к тумбочке в прихожей. Открыла верхний ящик. Достала связку ключей — тяжёлую, с брелоком в форме герба Драгомировых. И кожаный портмоне.

— Здесь, — сказала она, и голос дрогнул. — Всё здесь. Телефон, ключи, кошелёк. Он вышел без всего.

Телефон на столе, ключи в ящике, кошелёк рядом. Человек вышел из квартиры голым — в смысле информационном. «Десять минут, я вернусь.» Он был абсолютно уверен, что вернётся. Настолько уверен, что даже ключи от двери оставил, знал, что Элизабет дома и откроет.

— Час, — повторил я. — И ты не стала звонить?

— Я думала, он встретил на обратном пути соседей или решил еще пройтись, Максим иногда так делает. Через час забеспокоилась. Позвонила ему, и услышала, как телефон звонит в гостиной, на столе. Тогда начала нервничать. Проверила его телефон, увидела неизвестный номер, время звонка. Ещё через час позвонила Свете. А потом сидела и ждала, что дверь откроется.

Хронология паники. Час — беспокойство. Два — подруга. Три — звонок мне. Элизабет тянула, надеясь, что он вернётся сам, и с каждым часом надежда становилась тоньше.

— Ты знаешь, куда бы он мог пойти? — спросил я. — После того, как вышел из подъезда?

— Нет. — Элизабет покачала головой. — Я не выходила и не смотрела в окно, когда он ушел. Я просто... ждала. Сидела здесь и ждала.

В кроссовках и лёгкой куртке. «Вниз. Быстро.» Десять минут. Человек вышел за порог и растворился, а она осталась в пентхаусе, на двадцать пятом этаже, и единственное, что могла, это надеяться, что вот-вот щёлкнет замок.

Я обошёл гостиную. Медленно, по периметру, как делал всегда на новом месте, от двери по часовой стрелке, глазами по стенам, по полу, по поверхностям. Привычка из прошлой жизни, ввевшаяся в мышечную память: осмотр места — ритуал, и ритуал работает, даже когда место — чужая гостиная, а повод — звонок испуганной девушки посреди ночи.

Прихожая. Элизабет сказала, что он ушел в серых кроссовках. Остальная обувь на месте — ботинки, кеды, туфли. Куртки на вешалке, нет только тёмно-синей лёгкой нет.

Взял телефон Максима со столика — чёрный, дорогой, без чехла, с царапиной на углу. Экран заблокирован.

— Код? — спросил я.

— 1409, — сказала Элизабет. — День нашего знакомства.

Код сентиментальный. Драгомиров-младший, графский наследник, ставит на телефон дату знакомства с девушкой. Милое. И предсказуемое — любой, кто знает их историю, угадал бы за три попытки.

Я разблокировал. Список вызовов: неизвестный номер, входящий, 20:07, длительность 1:12. До этого — обычные вызовы. Отец — три раза за день, все исходящие, длительность от двух до семи минут. Элизабет — дважды, короткие. Контакт «Марков» — один входящий, четыре минуты, днём. Контакт «Склад» — один исходящий, полторы минуты. Ничего странного. Рабочий ритм наследника, у которого отец контролирует каждый шаг.

Я открыл мессенджеры. Основной — стандартный, имперский. Последние сообщения: переписка с Элизабет — бытовая, тёплая, с эмодзи, которых от Максима Драгомирова я не ожидал. Переписка с «Марков» — рабочая, сухая, про документы и сроки. Групповой чат «Склад Подольск» — логистика, цифры, ничего интересного. Ни одного нового контакта за последние две недели. Ни одного удалённого чата — во всяком случае, следов удаления я не видел.

Последнее отправленное сообщение — Элизабет, в 12:45: «Купи молоко, забыл.» Бытовое. Нормальное. Человек, который собирается пропасть, обычно не просит купить молоко. Хотя — я знал случаи, когда люди перед исчезновением вели себя абсолютно нормально,

потому что не знали, что исчезнут. Или — знали, но не считали это исчезновением. «Десять минут, вернусь.»

Я вернул телефон на столик. Достал свой, сфотографировал экран с неизвестным номером — на случай, если цифры понадобятся.

— Женя, — сказал я, подойдя к нему. — В здании должна быть охрана — это «Парус», пентхаус, тут точно есть камеры в подъезде. Спустись, найди дежурного, попроси показать записи. Временной промежуток — с двадцати ноль-пять до двадцати двадцати. Хочу видеть, как он выходил. И проверь, есть ли камера на улице у входа.

— А если охрана не захочет разговаривать?

— Ты княжич Решетников. Захотят.

Женя хмыкнул, полез во внутренний карман куртки и достал перстень — красный камень в серебряной оправе, с орнаментом, который я видел только на кольцах княжеских родов. Надел на средний палец правой руки, повертел — как будто примерял чужую вещь.

Я присвистнул — камень в оправе поймал свет лампы и мигнул красным, как стоп-сигнал.

— А без колечка со мной разговаривать не будут, — Женя пожал плечами, но в голосе скользнуло раздражение. Он не любил пользоваться титулом, и я это знал. Но знал и то, что ночной охранник жилого комплекса, в котором живёт графский наследник, не станет показывать записи случайному парню в куртке. А вот перстень княжеского рода — другой разговор.

— Действуй, Женёк.

Женя вышел. Дверь закрылась мягко, и в тишине пентхауса стало слышно, как гудит холодильник на кухне и как за окном, далеко внизу, проехала машина — шорох шин по мокрому асфальту.

Я повернулся к Свете. Она сидела на барном стуле и смотрела на меня тем оценивающим взглядом, который бывает у людей, умеющих слушать и запоминать. Ладони лежали на коленях, пальцы расслаблены.

— Когда ты пришла?

— Лиза позвонила мне в двадцать один двенадцать, — Света ответила сразу, без паузы, и точность удивила. — Я посмотрела на часы, когда увидела её имя на экране. В такое время она обычно не звонит. Сказала, что Максим вышел больше часа назад и не возвращается, что ей страшно. Я была в кафе на Гагарина, после тренировки, дошла пешком минут за пятнадцать.

— Ты предлагала вызвать полицию?

— Да. Элизабет отказалась.

— Полиция будет искать его утром, — сказала Элизабет из-за моей спины. — Для них три часа — ничего. Взрослый мужчина, ушёл добровольно, следов борьбы нет. Они скажут: подождите до утра. Может, загулял.

— Максим не гуляет, — тихо добавила Света. — Я Элизабет давно знаю. Максим такой... домашний. Всегда звонит, если задерживается.

Света знала привычки Максима — значит, дружба с Элизабет давняя, и Максим для неё был привычной частью картины. Или за этим скрывается что-то другое? Надо будет проверить эту версию. Вернемся к Максиму. Педант, который звонит при задержке в пять минут. И вот он ушёл без телефона, и за окном давно перевалило за полночь. Что-то выбило его из привычного поведения — что-то, казавшееся настолько простым и быстрым, что шаблон не нуждался в корректировке. «Десять минут.»

— Света, Элизабет при тебе кому-нибудь звонила, кроме меня?

— Нет, — она покачала головой. — Только мне и вам. Она боялась беспокоить отца Максима.

Я понимал, почему она не позвонила Виктору Михайловичу. Отец Максима услышит «ваш сын пропал» — и через час здесь будет армия. Охрана, люди, вопросы. И первый вопрос

будет к ней: как допустила? Как будущая невеста графского наследника не заметила, что он ушёл без телефона? Не остановила, не спросила, не проследила? Элизабет Белозерская, приёмная дочь барона, девушка без собственного рода, которая и так держится в этих кругах на тонком льду. Один звонок отцу Максима, и лёд под ней треснет, даже если Максим найдётся через десять минут.

Поэтому она позвонила подруге. Потом мне. И сидела в темноте пентхауса, глядя на дверь, которая не открывалась.

Я стоял у панорамного окна. Город внизу выглядел плоским, как макет — крыши, фонари, тёмные провалы дворов, и где-то там графский наследник вышел из дома больше четырёх часов назад, получив звонок от человека, которого знал лично, но чей номер не хранил в телефоне.

Знакомый почерк. Звонок, короткий разговор, человек выходит добровольно. Никакой борьбы, никакой паники. Его позвали. Он знал, к кому идёт.

Я знал это ощущение, когда идёшь к кому-то, кому доверяешь, и даже мысль об опасности кажется лишней.

— Максим в последнее время с кем-нибудь конфликтовал? Новые контакты, странные встречи, изменения в поведении?

— Нет, — она покачала головой. — Всё как обычно. Работа, отец, я. Он даже говорил, что наконец-то всё успокоилось. После... после всей той истории.

Авдосия, Ксюша, вся история с фальшивым диагнозом, я сам это раскопал, и Максим после этого расслабился. Думал, что худшее позади.

Дверь открылась — Женя. Вошёл быстро, прикрыл за собой. Перстень уже был в кармане, пальцы правой руки потирали средний — привычка, видимо, кольцо давило.

— Охранник внизу, — сказал он негромко, чтобы Элизабет не услышала из гостиной. — Один, дежурный. Показал камеры сразу, как колечко увидел. Максим вышел через парадный в двадцать восемнадцать. Спокойно, руки в карманах, лицо расслабленное. Повернул направо от входа и пошёл по тротуару. Камера на углу здания — последняя точка. Дальше он уходит в сторону парка, и всё. Камер больше нет.

В сторону парка. Пешком, налегке, к кому-то, кого знал.

— Охранник знает, что Максим не вернулся?

— Теперь знает. Я спросил аккуратно, сказал, что Максим попросил проверить, во сколько он выходил. Охранник не задавал вопросов. Но утром, когда сменится, может доложить наверх.

— Сколько у нас времени?

— До смены — часов шесть-семь.

Я кивнул. Повернулся к Элизабет, она стояла в дверях гостиной, вцепившись пальцами в дверной косяк, и по её лицу я видел: она всё слышала.

— Элизабет, — сказал я. — Давай так. Мы с Женей сейчас пройдем его маршрут от подъезда до парка. Посмотрим, что там. Если к утру ничего не найдём и Максим не вернётся, тогда будем звонить Виктору Михайловичу. Но пока пробуем сами.

Я видел, как у неё дрогнули плечи — мелко, коротко. Облегчение. Кто-то взял на себя решение, которое она не могла принять. Кто-то сказал, пока подождём.

— Хорошо, — выдохнула она. — Хорошо.

— Жди здесь. Если Максим вернётся — звони немедленно. Если придёт кто-нибудь другой — не открывай. Никому. Света, побудь с ней.

— Конечно, — Света кивнула, и на секунду я поймал её взгляд — оценивающий, цепкий. Она смотрела так с момента нашего появления. Девушка замечала больше, чем говорила.

Мы вышли. Лифт, подъезд, ночной воздух — холодный, с привкусом мокрого бетона. Фонарь у входа горел тускло, жёлтым, и в его свете асфальт блестел.

— Направо, — сказал Женья.

— Направо.

Мы пошли. Тем же маршрутом, которым четыре с лишним часа назад шёл Максим Драгомиров, — по тротуару вдоль фасада «Паруса», мимо припаркованных машин, мимо тёмных витрин на первом этаже. Камера на углу здания — маленькая, под козырьком, красный огонёк — последняя точка, на которой его зафиксировали. Дальше тротуар уходил в сторону парка, и фонари здесь стояли реже, а деревья — гуще, и через двадцать метров темнота становилась плотной, влажной, с запахом прелой листвы.

— Четыре с лишним часа, — сказал Женья. — Вряд ли тут что-то найдём.

— Вряд ли. Но проверить стоит.

Женья промолчал. Мы шли медленно, и я смотрел под ноги, по сторонам, на кромку газона, на бордюр, на ограду парка, которая уже проступала в темноте — низкая, металлическая, декоративная. За ней начинались деревья, аллея, скамейки, и где-то в глубине, за кронами, горел одинокий фонарь.

Камеры. Я подумал о камерах — в парке могли быть свои, муниципальные, на входах и аллеях. Но в час ночи администрации нет, и записи получить можно только утром, через запрос или через кого-то, у кого есть доступ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.